

ВАСИЛИЙ КИСИЛЬ

КАМЮ И ЖЕНЩИНЫ: СНОВИДЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

*Фрагмент из философского романа-эссе
«Паломничество в Лурмарен, или Каникулы Сизифа»*

Ночь в отеле «Сен-Луи» в Лурмарене прошла в полной тишине и спокойствии. Лурмарен отличается от других живописных городков Прованса именно тем, что способен создавать поистине «оглушающую» тишину.

- Что снилось? – набросился я на Веронику во время её утреннего визита в мой номер.
 - На этот раз ничего особенного. Вы слишком много внимания придаёте снам.
 - И небезосновательно. Сегодняшний сон меня просто ошеломил.
 - Ну, тогда расскажите о нём.
- Я начал рассказ.

Сновидение было, как театральное представление. Мне снился зал, чем-то напоминающий по своей форме миниатюрный античный амфитеатр. В нём проходило судебное заседание. Мне была отведена роль адвоката. В первом ряду полукругом на каменных скамьях сидели женщины, судьба которых на любовной почве была связана с Альбером Камю. Сам философ располагался в вольтеровском кресле спиной к женщинам. В полумраке сцены на простом деревянном стуле восседала Тереза Авильская.

- К моему стыду, я не знаю, кто такая Тереза Авильская, – перебила меня Вероника.
- Тереза Авильская – продолжил я своё повествование, – известная в католицизме испанская монахиня XVI века. С самого детства она отличалась глубокой набожностью. В возрасте 20 лет тайно сбежала из дому в католический монастырь и получила монашеское имя «Тереза Иисусова». Тереза учредила католический орден «босоногих кармелиток». Прославилась она тем, что вступала в «интимную» связь с Иисусом Христом. По этому поводу написала несколько мистических сочинений. В одном из них она вспоминала, как однажды ей приснился чудный сон – к ней прилетел очаровательный ангел во плоти и пронзил её чрево золотой стрелой, отчего она испытала «сладостную муку». Американский психолог У. Джемс по этому поводу заметил, что мистический опыт Святой Терезы, – не что иное, как «бесконечный любовный флирт между поклонником и его божеством».

Вначале католическая церковь очень настороженно восприняла откровения Терезы. Однако впоследствии, через сорок лет после кончины монахини, её возвели в лик святых и стали величать Святой Терезой. Этот сюжет вдохновил некоторых живописцев – был написан ряд картин на эту тему.

– Очень интересно, – похвально отозвалась Вероника о моём разъяснении, – продолжайте дальше рассказывать о своём сновидении.

Я возобновил рассказ.

Итак, шёл суд над Альбером Камю и женщинами, связанными с его судьбой. Тереза Авильская выступила в качестве обвинителя. Она заявила:

– Суть моего обвинения по отношению к женщинам состоит в том, что они любили Альбера Камю больше, чем я Христа, – это святотатство, в чём они должны покаяться; Альбер Камю виновен в богобоязности и прелюбодеянии – это непростительный грех, и никакое покаяние не смоет его.

Облик судьи был невидим. Его голос, обращенный к Терезе, словно гром прозвучал откуда-то свыше:

– А как Вы любили Христа?

Тереза, заёрзав на стуле, произнесла:

– Представьте себе человека, любящего так, что он не может ни минуты обойтись без любимого.

Но такая любовь слабее моей к Христу.

– Ваш ответ косвенный и расплывчатый, – заметил судья.

Хор «босоногих кармелиток» из-за спины Терезы Авильской истошно запел:

Нало меньше размышлять, а больше любить,

И тогда любви будет много-премного.

Судья обратился к женщинам:

– Скажите, все вы были влюблены в Камю?

На некоторое время в зале воцарилось молчание. Мой взгляд упал на женщин, сидевших в первом ряду, – их было двадцать одна:

Симона Ие, экстравагантно одетая, что-то напряжённо искала в своей дамской сумочке;

Бланш Бален наивно мигала глазами;

Мари Витон в своём блокноте карандашом рисовала портрет Камю;

Маргарита Добран застенчиво взирала на всё сквозь очки;

Жанна Сикар выглядела самоуверенно и холодно;

Кристина Галиндо восторженно сверкала глазами;

Ивонна Дюкелар восхищённо смотрела на Камю;

Луцетта Меурер смущённо улыбалась;

Лилиана Шукрун прижимала к груди конверт с письмом;

Франсина Фор в истерике заламывала руки;

Симона де Бовуар то краснела, то бледнела;

Ванда Козакевич отчаянно пыталась овладеть собой;

Жаклин Бернар периодически приподнимала вуаль, спонтанно ниспадающую на её лицо;

Мария Казарес щурила свои «копачьи глаза»;

Сюзанна Аньели сортировала какие-то письма;

Катрин Селлерс нервно тщила спрятать свои руки;

Патриция Блейк сидела с ровной спиной, вызывающе забросив одну длинную ногу на колени другой;

Мамен Паже старалась овладеть своим дыханием;

Бланш Кнопф красовалась своими ногтями, покрытыми зелёным лаком, и платьём оливково-зелёного цвета, увешанным драгоценностями;

Иверс Матте быстро набрасывала карандашом эскиз портрета Камю;

Элизабет Хоз то и дело мистически возводила глаза вверх.

Женщины обменялись взглядами и слаженно произнесли хором:

– Да-а-а!

Судья продолжил:

– А теперь я прошу всех вас поочередно рассказать о себе и своих взаимоотношениях с Камю.

Симона Ие прекратила поиск наркотика в своей сумочке и вскочила:

– Можно, я первой выскажусь на правах первой жены Камю?

– Не возражаю и даже желательно, чтобы и далее все выступали в «хронологическом» порядке. Надеюсь, каждая из вас знает своё место в этом «списке»? – ехидно заметил судья.

Симона Ие

Я родилась в Алжире в 1914 году в состоятельной семье. Моя мать была известным врачом-окулистом. До знакомства с Камю у меня была любовная связь с его другом. С Камю мы учились на одном курсе в Алжирском университете. По общему признанию, я была привлекательной и склонной к флирту, любила изысканно одеваться и обожала носить широкополые шляпы.

В 1934 году я вышла замуж за Камю. Ему исполнилось 20 лет, мне – 19. Я не была готова к семейной жизни, ибо даже не знала, что такое кастрюля. Да и вела себя подчас неподобающим образом: однажды я очень смутила зашедшего в наш дом друга Камю – моё нагое тело прикрывала только прозрачная вуальная накидка.

С 14 лет я начала принимать морфин из-за болей во время месячных и попала в наркотическую зависимость. Своим очарованием я пыталась воздействовать на молодых врачей, чтобы получать от них наркотики. Камю верил в то, что спасёт меня. Он действительно помогал мне, иногда безуспешно.

Во время нашего путешествия по Европе, Камю случайно обнаружил письмо ко мне от моего доктора-любownika, который снабжал меня наркотиками.

По возвращении в Алжир мы разошлись и стали жить раздельно: Камю – у своего брата, я – у своих родителей. Тем не менее мой бывший муж продолжал поддерживать отношения с моей мамой.

Формально развод мы оформили в 1940 году – Камю женился на Франсине Фор, а я вышла замуж за доктора Леона Коттансо. Камю даже помог нам снять квартиру в Париже. В 1947 году полиция несколько раз арестовывала меня за употребление наркотиков.

Моя мать просила Камю помочь мне. Он ответил: «К сожалению, в этом деле сейчас я так же бесполезен, как и 17 лет тому назад».

Однако мой второй брак также распался. После пятилетнего лечения в Швейцарии, я собиралась вернуться во Францию. Камю обещал встретить меня и устроить на работу в издательство – это было накануне его гибели. С жизнью я распрощалась в 1970 году.

Бланш Бален

Я родилась в 1913 году во Франции. Училась в Алжирском университете на юридическом отделении. Я впервые увидела Камю на репетиции его пьесы. Он был худым и выглядел бледно. Камю предложил мне попробовать выступить в качестве актрисы. Я согласилась играть роль «очаровательной Терезы с её женской наивностью». Это было в Алжире в 1937 году. Мы познакомились ближе, и на некоторое время я стала его возлюбленной. Все считали, что я была первой возлюбленной Камю, которая писала стихи, к тому же я была привлекательна. Он увлечённо читал мои произведения.

Тогда Камю был душевно травмирован разводом с Симоной Ис. Он всегда был искренен со мной. Что касалось любви, он говорил мне, что её не существует. Мы совершали длительные прогулки по холмам в окрестностях Алжира. Он был беден, но дарил мне цветы. Моих родителей тревожило моё увлечение.

С 1937 года я поддерживала с Камю переписку. Он написал мне 89 писем. Его письма были очень нежными. С его помощью я опубликовала книгу своих стихотворений, предисловие к которой написал он. Его роман «Посторонний» я подвергла критике за жестокость.

Перед его отъездом в Париж, он предложил мне место своего секретаря, но я отказалась. Живя в Ницце, я однажды его навестила в Кабри, возле Граса, где он проходил лечение от туберкулёза. Там я нашла его печальным, хотя за время лечения он набрал вес и восстановил сон. В 1943 году я встречалась с Камю во французском городке Анейрон и позже – в Валансе и Сент-Этьене. После встречи со мной в Сент-Этьене он записал в своём дневнике загадочную фразу: «Никто не осознает, что некоторые люди совершают геркулесовы усилия только для того, чтобы быть нормальными».

За всю свою жизнь я написала и издала семь книг. До сих пор я считаю, что любовные отношения с Камю были единственным значимым событием в моей жизни. Умерла я в 2003 году в Ницце.

Мари Витон (Маргарита Кошлен)

Родилась я в 1893 году в Виллер-сюр-Мер во Франции. Моё настоящее имя Маргарита Кошлен – Мари Виттон псевдоним.

Два раза была замужем: первый раз вышла замуж в 1911 году, второй брак был заключен в 1921 году с сыном Поля Д'Эстурнеля – лауреата Нобелевской премии мира за 1909 год.

Работала художником, иллюстратором, театральным костюмером, переводчиком англоязычной литературы.

У меня было необычное хобби: я любила летать на самолётах в качестве пилота. Продолжала летать даже после того, как моя дочь погибла в авиакатастрофе. Кроме того, я была уважаемым членом «Высшего общества протестантов», а в 1936 году получила официальный титул «Художник авиации».

Во второй половине 1930-х годов я украсила фресками многие здания Алжира. Камю пригласил меня для оформления декораций в его театре «Экип», а также в качестве костюмера.

Наше сотрудничество продолжилось в Париже – я оформляла костюмы для пьесы «Калигула», постановка которой состоялась в сентябре 1945 года.

Как писал о мне Ч. Понсе, я принадлежала к крупной буржуазии и отличалась «аристократической внешностью, подчеркнутой мужской строгостью». Я была старше Камю на 20 лет, тем не менее, мы прониклись взаимной симпатией, и между нами возникла романтическая привязанность, которая, по идее, не могла существовать в условиях юного окружения Камю. Интрига состояла в том, что Камю был неравнодушен ко мне, а я была покорена его талантом. Я с увлечением занималась художественным оформлением

его театральных постановок. В тот день, когда Камю вызвали в суд по поводу запрета цензурой его пьесы «Восстание в Астурии», он вместе со мной впервые летал на самолете.

Вскоре мы совершили с ним полёт в Джемила, где посетили руины построек времён римского императора Траяна. Это путешествие легло в основу его эссе «Ветер в Джемила»: «Мы долго бродили среди этого пустынного великолепия. Ветер, который в полдень едва чувствовался, мало-помалу окреп и, казалось, наполнил собой весь пейзаж. ...И никогда ещё до этого я не испытывал такого чувства отрешённости от себя самого и в то же время своего присутствия в мире».

В подготовительных материалах к рукописи своего романа «Первый человек» Камю упомянул моё имя в таком контексте: «В молодости я требовал от людей больше, чем они могли дать: вечной дружбы, неизменных чувств. Теперь я научился требовать от них меньше, чем они могут дать: просто товарищества, без фраз. А их чувства, дружба, благородные поступки сохраняют в моих глазах всю ценность чуда: чистый дар благодати. Мари Витон: самолёт».

До конца своих дней я интересовалась судьбой Камю.

Умерла я в Париже в 1954 году.

Маргарита Добрен и Жанна Сикар

Маргарита Добрен. Я родилась в Оране в 1914 году в состоятельной семье: мой отец был хирургом-дантистом. Я носила очки и была застенчивой. Этот «шарм застенчивости» нравился Камю. Училась в Алжирском университете на отделении древней истории и была сокурсницей Камю. На протяжении многих лет мы вели переписку. Будучи расстроенным из-за неверности жены, обнаружившейся во время путешествия по Европе, он писал мне: «Я много не думаю о чувствах верности и простоты, с которыми вы писали мне всё это лето. Но давайте нарисуеть занавески (от солнца, как сказал бы д'Аннунцио)». По прошествии многих лет, в 1958 году, он напомнил мне о наших весёлых днях: «Я изменил свою причёску, вернув ей тот вид, какой она была в счастливые алжирские годы, — она меня омолодила, по крайней мере, моё сердце».

Жанна Сикар. Я родилась в Оране в 1913 году в богатой семье крупных плантаторов. Была брюнеткой с серо-голубыми глазами, простой, лёгкой и внешне холодной. Меня упрекали в самоуверенности и высокомерии. Училась в Алжирском университете на филологическом отделении. Камю дал мне прозвище «Горько-сладкая». Я была соавтором его пьесы «Восстание в Астурии». Мы никак не могли придумать название пьесе и много дискутировали по этому поводу. В этой пьесе я играла роль «той, кто не боится стать старой и уродливой — это портрет владелицы кафе с удивительной демонстрацией правды и человеческого характера». С Камю мы вели переписку. В одном из писем в 1936 году он писал мне: «Я, лишний каких-либо мыслей, созерцаю, как идут дни, — и через десять лет я назову это счастьем». Когда я уехала в Париж, он написал мне: «Твоя жизнь здесь больше не является познавательным опытом, и иногда место может лишить нас свободы. Мы принадлежим к группе, которая нехороша, даже если она дружественна».

Смерть настигла меня в автомобильной аварии в 1962 году.

Обе дуэтм. Мы были неразлучными подругами и играли в театральной труппе Камю. Камю влюбился в нас, но поскольку у него не было намерений играть роль соблазнителя, то он находил удовольствие в «сладких и умеренных формах дружбы с женщинами». Мы обожали его. Для Камю было обычным делом иметь несколько подруг одновременно — большинство из них понимало, что он не заинтересован в браке и ведении домашнего хозяйства. Они всё знали друг о друге, и многие из них были друзьями. Иногда одна знакомила его с другой или они обговаривали даже такие подробности: вступать с ним в интимные отношения или избегать их. Дошло до того, что одну юную актрису постоянно сопровождал на репетиции её отец, зная о любвиобилии Камю.

Мы также попали в его объятия без какого-либо усилия с его стороны. Вместе с Камю мы арендовали часть дома в Алжире. Наше «общегитие» мы прозвали «Дом Перед Миром». У нас даже были планы купить совместную ферму с «кипарисовыми деревьями» в Алжире или во французском Провансе и называть её «Ферма Другого Дня». Часто мы проводили время совместно с Камю в кемпингах. Наш кумир, как всегда, был в своём амплуа: «Вечером в лагере тебе, Жанна, я буду говорить о бессмертии души, а Маргарите скажу просто и тихо: “Что там с сосисками?”. Это то, что я называю счастьем». Нас прозвали «телохранителями» Камю. Позже к нам присоединилась Кристина Галиндо, родом из Орана. Постепенно, в течение 1936–1939 годов, наш театральный кружок превратился в настоящий театр.

Мы сопровождали Камю во время его путешествия в Италию, посещали его в Амбрёне в Альпах, где он был на лечении.

Кристина Галиндо

Я познакомилась с Камю в январе 1937 года. По общему признанию, меня считали «красивой брюнеткой». Он помог мне устроиться на работу секретарём в компании «Рено». Я помогала Камю печатать его рукописи, заменила ему ушедшую Симону и стала его возлюбленной. С Камю мы много времени проводили среди руин Типаса. В эссе «Возвращение в Типаса» он вспоминал: «Растерянный бродил я по пустынным мокрым полям, пытаюсь хотя бы обрести в себе ту силу, до сих пор никогда мне не изменившую, которая помогала мне принимать жизнь такой, как она есть, раз уж я понял, что не могу ничего изменить. ... Я снова нашёл здесь древнюю красоту и юное небо и оценил, как мне повезло, когда понял наконец, что в худшие годы нашего безумия память об этом небе никогда не покидала меня. Это оно в конечном счёте спасло меня от отчаяния. ... А между тем все эти годы я смутно ощущал, что мне чего-то недостаёт. Если вам посчастливилось однажды испытать сильную любовь, всю свою жизнь вы будете снова и снова искать этот жар и свет». Как я была благодарна ему за эти строки!

Я была открытой и здоровой, любила загорать обнажённой. Камю дал мне прозвище «Ла Тер» (земля) из-за моей высокой осязательной чувствительности. Моя красота и великодушные задевали за живое друзей Камю. Он любил вести со мной разговоры на философские темы. В июле 1939 года Камю писал мне: «Я боюсь снова встречаться с Франсиной. Я хочу её видеть, но не хочу в любом случае возвращаться вместе с ней, так как у меня есть дела поважнее. Может быть, это к лучшему – позволить всему умереть. Что касается моей работы, то я нуждаюсь в свободе ума, в свободе периодически».

Я получила в Париже филологическое образование в лицее Фенелон и стала преподавателем в Высшей женской школе в Оране.

Ивонна Дюкелар

Познакомилась я с Камю во время работы в газете «Альже Републикен» в октябре 1939 года. Я восхищалась его природным совершенством, добротой и дружелюбием, его ироничностью, подчас граничившую с цинизмом, и его глазами, в которых при разговоре «расцветала душа». Он называл меня «таитянской» из-за того, что я любила носить парео.

Я принимала участие в работе театра «Экип», который создал Камю. Он часто обсуждал со мной русских философов, идеи которых были связаны с его пьесами. Однажды предложил почитать философа Льва Шестова. Как-то он признался мне: «Я буду журналистом и умру молодым». Я окончила аспирантуру Алжирского университета в 1939 году и заменяла преподавателя философии в женском лицее.

Камю писал мне письма (42 письма). В марте 1940 года он сообщал: «Всё, что случилось, не мешает новому и юному чувству во мне, когда бы я ни думал о тебе. Может быть, если мы подождём немного, то сможем иметь больше времени, чтобы разделить его друг с другом и жить лучше. Я сам хочу этого и желаю. Я больше не хочу знать, что было со мной в Алжире. Но я выражаю признательность той жизни, которую я делал с тобой. ... Достаточно сказать, что я счастлив, когда чувствую твоё присутствие в своей жизни, и добавлю, что чувствую себя уверенно и расслаблено с тобой».

Когда Камю вернулся из Франции в Оран, он часто навещал меня в Алжире, и наша любовь эпизодически вспыхивала новым пламенем. Он обходил стороной вопрос о предстоящем браке с Франсиной и говорил мне: «Когда все эти грязные облака пройдут, я думаю, что увижу тебя более ясно. ... Я хочу, чтобы ты доверяла мне и хочу тебя прижать к себе».

Он колебался между мной и Франсиной. Ожидая писем от неё, он писал мне: «Я не говорю, что тебя люблю. ... Я хочу так много целовать тебя и вместе с тем отвернуться». Видимо, глубоко он не любил ни меня, ни Франсину.

Когда же он окончательно решил отдать предпочтение Франсине, он написал мне: «Прощай, моя маленькая девочка. Кажется, всё это очень далеко, и я не чувствовал безнадежности годами – это моя ошибка. Я хочу, я действительно хочу, чтобы ты не отвечала на это письмо. Только постарайся не забыть меня».

Уже будучи женатым на Франсине, он писал мне: «Я задыхаюсь здесь. Я несчастен, и я решил уехать. Мне ничто не мило, я никого не люблю, и в конечном счете я сказал об этом Франсине». Как раз в это время в Оране он заканчивал работу над «Мифом о Сизифе».

Но он снова напомнил о себе: «Это не будет абсурдным для тебя писать мне, никогда не будет абсурдным приходить ко мне, звонить мне, прикасаться своим лицом ко мне... Конечно, я никогда не просил тебя ждать меня... Я не вижу ни одной определённой эмоции, исходящей от тебя». Он настаивал на встречах: «Это всё, что я предлагаю тебе, так как сегодня это всё, чем я владею... Я знаю это, даже против моей собственной воли».

Однажды мы провели с Камю неделю в кемпинге. Семья Франсины выразила недовольство по этому поводу. Тогда Камю был вынужден написать мне: «Я больше тебя не увижу... Извини меня за всё, что было абсурдного во всём этом. Я несчастен и люблю тебя, но даже это тщетно».

Камю отвёл мне женский образ в романе «Посторонний».

Луцетта Меурер

По характеру я была застенчивой, скрытной и замкнутой. Училась на отделении фармакологии в Алжирском университете и частично играла в театрах. Познакомившись с Камю, я стала его возлюбленной. Я играла роль служанки в его пьесе «Братья Карамазовы».

Камю вёл со мной разговоры о литературном творчестве и политике. Он признавался, что никак не мог понять, насколько серьёзными были мои чувства к нему. Сам же писал, что испытывал ко мне «нежность, желание и много дружественных и товарищеских чувств». Со мной он часто говорил о Франсине Фор.

Однажды, прочитав «Господина» Сартра, он написал мне: «Когда пишут роман, то философию вкладывают в образы. Но в «Господине» философия и образы разделены, они стоят рядом. Это тревожит меня, поскольку я согласен с философией, и мне больно видеть, как она теряется по мере чтения».

Для своего романа «Чума» он просил меня взять в университетской библиотеке медицинские книги о чуме.

Даже после установления близких отношений с Франсиной, Камю продолжал встречаться со мной. Наша переписка составила 45 писем.

Лиана Шукрун

Родилась я в 1911 году в еврейской семье. С Камю знакома с университетской скамьи: мы учились на одном отделении. Моя дружба с ним была честной, искренней. Камю обладал особой аурой среди узкого круга интеллектуалов Алжира в 1930-е годы. Этот «авангардный» круг, в который входила и я, был лишён каких-либо предрассудков: моральных, социальных, политических, религиозных, этнических.

Я всегда была рядом с ним, поддерживая все его литературные, театральные и политические начинания. Была в курсе даже его интимных дел. Именно я познакомила Камю с его будущей женой Франсиной. Я стала прообразом Элианы в «Счастливой смерти» Камю.

Камю всегда помогал мне. Он оказал мне моральную поддержку, когда в 1940 году меня лишили преподавательской работы в коллеже и французского гражданства из-за расистских законов вишистского правительства. Снова с ним я встретилась в Париже только в 1945 году.

Влюбившись в одного мужчину католического вероисповедания, я поступила на армейскую службу, чтобы быть рядом с ним. Камю назвал мой поступок «чистым безумием».

Мы вели переписку с Камю с 1936 по 1952 год. Его письма были содержательными: в них речь шла о его философских идеях, путях преодоления абсурда любовью и бунтарством. В октябре 1937 года он писал мне: «Я думал, что можно до некоторой степени управлять своей жизнью. Теперь же я больше не уверен во всей этой бессмыслице... Мы все же имеем право выбрать какой-нибудь вид самоубийства... Если я не могу выразить то, что ношу в себе, это – полный абсурд со всеми его последствиями в моей экстремальной ситуации».

Моя платоническая любовь к Камю проявлялась даже в такой курьёзной привычке: я всегда носила с собой письма Камю ко мне в специальной сумочке. К ним я относилась почти с религиозным чувством. После моей кончины 32 письма были проданы в 2014 году моим сыном на аукционе Сотби за 91500 евро.

Франсина Камю (Фор)

Я родилась в уважаемой семье в Оране в 1914 году. Моя бабушка, Клара Тюбюль, была берберийской еврейкой, тем не менее в Оране наша семья не считалась еврейской. Мой отец, как и отец Камю, погиб при битве на Марне.

Я считала себя некрасивой, но, в отличие от своей сестры, ничего не предпринимала для улучшения своего внешнего вида. Я не чуждалась ухаживания, но была очень застенчивой.

В 1937 году я познакомилась с Камю на занятиях в Алжирском университете, куда меня затащила подруга. Я стала с ним встречаться. Родители не одобрили мой выбор, но в ответ им я сказала: хотя он не имеет приличной работы, болен туберкулёзом, зато обладает великим чувством свободы. Камю соблазнил меня в Алжире в 1939 году и честно сказал мне, что если поженимся, то не может обещать мне верности. Выбирая меня, он хотел разрушить прошлое – он сжёг все свои прежние письма. Он говорил

мне, что знает, что значит страдать от любви, но не знает, что такое любовь. 3 декабря 1940 года в Лионе мы заключили брак.

Камю отмечал мой «вкус к абсолюту» и одобрял моё увлечение диалогами Платона. Я получила образование в Алжире и стала преподавателем математики. Кроме того, я играла на пианино и специализировалась по музыке Баха.

Однажды Камю сказал мне: «Ты – моя сестра. Ты похожа на меня, но женитьба на своей сестре – нон-сенс». Конечно, меня угнетала его супружеская неверность. Дома я часами играла Баха, что раздражало Камю. В быту я была очень несобранной. Часто случались приступы паники.

С лета 1953 года я стала страдать депрессией, которая чуть не довела меня до самоубийства: в больнице, где меня лечили инсулином и электрошоком, я выбросилась из балкона, но отделалась только переломами костей. Говорят, что в бреду я постоянно повторяла имя Марии Казарес. Депрессивное состояние длилось четыре года, которое временами то улучшалось, то ухудшалось.

Возможно, о мне он записал в дневнике: «В тот момент, когда я видел на её лице выражение боли, я подчинялся её воле. Я чувствовал себя легко только тогда, когда она была довольна мной». Моя мать как-то заметила, что Камю не был счастливее меня.

Камю признавался моей кузине, что он был тронут моим великодушием, и что он никогда не переставал меня любить, хотя эта любовь оставляла желать лучшего.

Я простила его. Умерла я в 1979 году и похоронена рядом с Камю на кладбище в Лурмарене.

Симона де Бовуар

Родилась я в 1908 году в состоятельной семье, которая впоследствии обеднела. Школьное образование получила под наставничеством монахинь. Однако в религии разочаровалась и решила стать знаменитым писателем. Окончила Парижский университет по литературе и Сорбонну по философии.

Я жила с Сартром в гражданском браке, который предусматривал открытые отношения, не препятствующие любовным связям на стороне. Иногда я даже писала ему в подробностях, как проводила ночи с любовниками.

Я работала всю жизнь в поте лица своего, недаром Сартр прозвал меня «Бобёр». Он считал, что я была единственной из его окружения, кто обладал знаниями, равными ему.

С Камю я впервые встретилась в парижском «Кафе де Флор» в присутствии Сартра, который предложил Камю поставить на сцене его пьесу «Нет выхода». С этого времени наши встречи с Камю стали частыми. Меня привлекала его молодость, независимость, простота, веселость и хорошее чувство юмора.

В его характере проявлялись как черты энтузиазма, так и беззаботности, что предохраняло его от вульгарности. Несколько смущал его скептицизм, граничивший с цинизмом, тем не менее его шарм покорял меня. Я испытывала любовь к нему, но не встречала ответного чувства. Да и моё чувство было двойственным. «Мне нравился “неуёмный жар”, с каким он отдавался жизни и удовольствиям, нравилась его величайшая любезность», о чём я упоминала в своих записях.

В своих автобиографических очерках я отметила, что Камю «не любил ни колебаний, ни риска, которые предполагает политическая мысль; ему требовалась уверенность в своих идеях, чтобы быть уверенным в себе. На противоречивую ситуацию он реагировал, отстраняясь от неё, а усилия Сартра приноравливаться к ней выводили его из себя. Экзистенциализм его раздражал... Между его жизнью и творчеством была пропасть, более глубокая, чем у других».

Во второй половине 1945 года я, Сартр, Камю, Кёстлер и его подруга Мамен Паже часто проводили время вместе. Имея виды на Камю, я намеревалась его соблазнить. На какое-то время я стала его наперсницей – мы встречались, и подчас наши разговоры шли даже ночами напролёт. Камю делился своими проблемами, но, несмотря на мой призывный взгляд, он не поддался мне. Он отдал предпочтение Мамен, я же провела интимную ночь с Кёстлером.

Камю высмеял мои лесбиянские увлечения, однажды заявив, что я превратила французских мужчин в объект презрения и насмешек. Он упрекал меня также и в том, что я грешила против «французской ясности мысли». Как это ни покажется странным, но с Камю мы никогда не говорили о своих книгах.

Он сделал достоянием гласности одну нашу встречу: «Она (*Симона де Бовуар*. – В.К.) не могла выдержать дружбы между Сартром и мной. Знаете, мы втроем обедали в определённый день недели на протяжении многих лет... Однажды она вошла в мой кабинет и сказала, что у неё есть подруга, которая хотела бы переспать со мной, но я ответил, что в таких делах я привык делать выбор самостоятельно. Это было для неё унижением, которое такие женщины никогда не забывают».

Я писала философские романы, иллюстрировавшие идеи философии экзистенциализма, – человек есть свободное существо, но вместе с тем он сам, и никто другой, должен нести ответственность за свои поступки.

Моя напумевшая книга «Второй пол» оказала влияние на феминистское движение и была внесена Ватиканом в «Индекс запрещённых книг». Основная идея книги: «Женщиной не рождаются, а становятся».

Узнав о гибели Камю, я ощутила, как моё горло пересохло, рот стал дрожать, но плакать не могла, – хотя тогда Камю уже не занимал меня. Я всю ночь не спала, а утром сказала себе: «Этого утра он уже не видит».

Умерла я в 1986 году.

Ванда Козакевич

Родилась я в Киеве в 1917 году. В Париже мы с сестрой Ольгой оказались в 1937 году. Я посещала лекции по философии у так называемой жены Сартра – Симоны де Бовуар. Сартр был опытным ловеласом: вначале соблазнил мою сестру Ольгу, а затем лишил девственности и меня. Так мы пополнили состав его «гарема», которым «управляла» Симона де Бовуар. Сартр издевательски подчеркивал, что у меня, – «умственные способности стрекозы». Но когда я заболела, он даже изъявил желание жениться на мне. Правда, потом Симона де Бовуар уточнила: «Да, но чисто символически».

Сартр отвёл мне роль в его пьесе «Мухи». По общему признанию, я хорошо играла. И вот тогда в моей жизни появился Камю. В начале 1944 года Сартр предложил Камю поставить его пьесу «Нет выхода» и пригласил его для чтения текста в гостиничном номере Симоны де Бовуар. Позже позвали меня как возможную актрису на одну из ролей. Камю пригласил меня на танец в присутствии Сартра. По сути, Сартр стал невольным сводником, сказав при этом, что хорошо бы заняться сексом, если не учитывать, что мы с Камю мертвецы. Но мы оказались живыми людьми, и между нами проскочила искорка любви. Сартр опрометчиво оставил нас вместе с Камю в одной комнате. Потом он возмущался, что я увлеклась Камю, но не порвал со мной связь, и ему удалось погасить моё увлечение. Я продолжала играть роли в его пьесах, а наши отношения с Камю прервались. Возможно, именно наш мимолётный роман имел в виду Камю, когда витиевато писал: «Необходимо влюбиться – лучше предоставить алиби для всего того отчаяния, которое мы собираемся прочувствовать».

Сартр как-то признался, что его дружба с Камю была разрушена не только по причине идеологических разногласий, но и в связи с моей любовью к Камю. Сартр посвятил мне свою книгу «Дороги свободы».

Умерла я в 1989 году.

Жаклин Бернар

Родилась я в Париже в том же году, что и Камю. Окончила юридический факультет Парижского университета и Свободную школу политических наук, но посвятила себя журналистике.

Во время войны я стала координатором движения «Комба».

Мои друзья устроили мне подпольную встречу с Альбером Камю. С ним меня познакомил Паскаль Пиа. Явившийся перед моим взором бледно выглядевший молодой человек представился Бушаром. Он согласился писать статьи для газеты. Позже я узнала, что это был Камю. Он сказал, что мог бы быть полезен нашему движению. Так началось наше совместное сотрудничество по изданию газеты «Комба». Однажды пакет с подпольной газетой по ошибке был доставлен не по адресу. Человек, который её получил, испугался и доложил в полицию. По этому поводу Камю сказал мне: «Видите, сейчас опаснее не быть в “Комба”, чем быть».

В июле 1944 года я была арестована гестаповцами в кафе на бульваре Сен-Жермен в Париже. Через несколько часов должна была состояться моя тайная встреча с Камю. Мне удалось предупредить его о моём аресте с помощью особой системы знаков, и таким образом он остался на свободе. Я была отправлена в концлагерь Ревенсбрюк в Германии. В июне 1945 года была освобождена.

Вернувшись в Париж, я стала генеральным секретарём и членом редколлегии газеты «Комба», где продолжила сотрудничество с Альбером Камю.

Я обожала Камю. Подпаив под его чары, я не могла представить, что он может грубо обойтись со мной. Наши отношения всегда были покрыты завесой тайны, такими они и останутся навеки.

В 1948 году оставила работу в газете в связи с изменением редакционного совета. С тех пор работала независимым журналистом.

Накануне получения Камю Нобелевской премии я собрала у себя дома всех старых друзей, работавших в газете «Комба», – перед нами Камю произнёс импровизированную речь, которую он должен был зачитать в Стокгольме.

С 1963 по 1969 год читала лекции в США о творчестве Камю и Мальро.

Мои архивы хранятся в Институте Пастера в Париже.

Умерла я в 1998 году.

Мария Казарес

Родилась я в 1922 году в Испании. Мой отец был премьер-министром в Испанской республике. В связи с приходом к власти Франко, он был вынужден эмигрировать с семьей во Францию в 1936 году. Мне было тогда 14 лет.

Моё знакомство с Камю произошло в 1944 году. Я приняла участие в качестве актрисы в его пьесе «Недоразумение». Сартр хвастался перед Камю, что он имел роман со мной. Камю привёз меня на вечер, устроенный Сартром и Симоной де Бовуар, которая обратила внимание Камю на мою красоту и уверенность в своих силах. Мне шёл 21 год, Камю был на 9 лет старше. Он очаровывал неповторимой улыбкой и любил во всём порядок. В свою очередь он называл меня «уникальной». Его покорило «моё платье с фиолетовыми полосками, чёрные волосы и довольно резкий смех». В июне этого года мы стали любовниками. Однажды я и Камю попали в облаву. У него были материалы для подпольной газеты «Комба» – мы чудом избежали ареста.

Его жена Франсина жила тогда в Оране и не могла въехать в оккупированную немцами Францию, так как в её роду были евреи по линии бабушки. Она приехала в Париж только в октябре 1944 года. Я дала Камю неделю на размышление: «Или я, или она». Он оказался между любовью и долгом. Победил долг. На этом моя идиллия с Камю закончилась.

В июне 1948 года мы снова встретились случайно на бульваре Сен-Жермен. Камю сказал мне: «Эта несчастная любовь – это не то, что ты заслуживаешь..., но я обрёл с тобой жизненную силу, которую, думал, что потерял». Я размышляла: «Зачем судьба однажды свела нас? Зачем нам суждено снова быть вместе?». Моя гордость снилась, и любовь вернулась. Я оставила своего возлюбленного Ж. Блайни.

Театр для меня был «волшебным огнём». Камю ревновал меня к моей профессии: «Ты должна работать и думать обо мне во время работы». Когда он был рядом со мной, то чувствовал себя расслабленно и часто смеялся. На мой вопрос, почему он смеется, отвечал: «От полного удовольствия».

С появлением в театре Катрин Селлерс наши отношения с Камю стали портиться. Вместо меня он дал ей роль в пьесе «Реквием по монахине». Я молчаливо снесла это унижение.

В пьесах Камю, поставленных им, я играла роли Виктории в «Осадном положении», Грушеньки в «Братьях Карамазовых», Марты в «Недоразумении», Доры в «Праведных».

После получения Камю Нобелевской премии наши отношения не заладились – наши страсти то вспыхивали, то погасали. В одном из писем он писал мне: «Мы связаны священными узами земли, умом, сердцем и плотью – я знаю – ничто не удивит и не разделит нас». Я сделала ему необычное предложение: «Давай уедем в Мексику и будем там жить вместе». Камю воспринял мою идею настороженно и ничего не ответил.

Разделяя дух Камю, я говорила себе: «В Испании мы знаем, что умрём и не скрываем этого. Дон-Жуан – трагический персонаж. ...Жизнь становится более ценной, потому что есть смерть». Камю несколько иначе смотрел на эту проблему: если для меня смерть – это жизнь, то для него даже смерть невинного ребёнка – величайшая несправедливость.

Он как-то сказал мне: «Наше счастье было отравлено гордостью».

С Камю я длительное время поддерживала переписку. Я нуждалась в его письмах, чтобы жить. Бывало, что он писал мне по два письма в день, в которых часто называл меня «чёрной розой».

В 1978 году я вышла замуж за своего партнёра по сцене цыганского певца Д. Шлессера и играла в театрах до конца своих дней.

После смерти Франсины, жены Камю, их дочь Катрин выкупила в 1979 году письма Камю ко мне и предложила их к публикации в издательстве «Галлимар».

Я ушла из жизни в 1996 году в своём загородном доме.

Неожиданно в центр зала вбежала чёрная кошка и стала вертеться у ног Камю. Тереза Авильская вздрогнула и завопила:

– Мария при жизни была ведьмой! Сами видите, истинно говорю.

Мария Казарес нервно закурила, а кошка, сверкнув злыми глазами в сторону Терезы Авильской, внезапно исчезла из виду. Судья недовольным голосом пробасил:

– Прошу не вмешиваться в свидетельские показания женщин. Кто там следующий?

Сюзанна Аньели (Лабинь)

Я была секретарем Камю с 1946 по 1960 год. Вначале он пригласил меня в качестве его личного секретаря. Когда он ушёл работать в издательство «Галлимар», то предложил мне штатную должность секретаря в своём офисе.

По мнению Камю, я обладала необходимыми качествами для такой работы: преданностью, выносливостью, терпением, умением избирательно реагировать на телефонные звонки и сортировать почту.

Я оказалась в щекотливом положении: зная о Камю всё, иногда я не могла держать язык за зубами. Нездоровая любопытность натолкнула меня на мысль начать вести подробный дневник. Камю его обнаружил и пришёл в негодование – на моих глазах он сжёг эту злосчастную тетрадь и попросил меня больше этим не заниматься.

Как и Камю, я страдала туберкулёзом. Меня считали привлекательной, несмотря на крупные черты продолговатого лица. Я обожала Камю и была фанатично ему предана. Часто надувала губы, когда какая-нибудь симпатичная посетительница надолго задерживалась в его кабинете. Ему непрестанно звонили женщины, и я едва успевала отбиваться от них. Насколько возможно, я старалась ограждать Камю от нежелательных посетителей, – связаться с ним можно было только через меня.

Среди женского персонала издательства «Галлимар», составлявшего семьдесят процентов от общего числа сотрудников, бытовало мнение, что я являюсь возлюбленной Камю. Когда я преступала рамки дозволенного, Камю меня сдерживал. Иногда Камю приглашал меня сопровождать его на вечеринки – мы посещали бары и рестораны, где собирались его друзья. Как-то, на одной из вечеринок, я спросила его, почему он выбрал Амстердам для своей повести «Падение»? Этот город уродлив, ответил Камю. Я возразила: мне он всегда казался прекрасным. И тогда, опьяневший от вина Камю, признался мне, что был невольным свидетелем самоубийства на одном амстердамском мосту и ничего не предпринял для спасения человека, решившего покончить с собой, – после этого случая его стало мучить угрызение совести. Со временем я заметила, как его болезненные личные воспоминания преобразовывались в обобщенное выражение этой драмы судьбы.

В 1956 году я вышла замуж.

После получения Нобелевской премии состояние здоровья Камю ухудшилось: он начал страдать от депрессии, приступов паники, клаустрофобии. Поэтому я стала сопровождать его везде.

Гибель Камю я восприняла как личную трагедию.

Катрин Селлерс

Я родилась в 1926 году в Париже, хотя происходила из семейства «черноногих», то есть французских переселенцев, живших в Алжире. Во время Второй мировой войны мой отец погиб в немецком концлагере. И я была вынуждена спасаться со своей матерью в Тунисе из-за своего еврейского происхождения. Непродолжительное время я была замужем за англичанином, отсюда и моё новое имя – настоящее имя Жаклин Тюбиана-Таббах.

Камю впервые увидел меня в роли Нины в пьесе Чехова «Чайка» в апреле 1956 года. Моя игра понравилась ему, и он пригласил меня исполнять ведущую роль в пьесе «Реквием по монахине», написанную им по мотивам произведения Фолкнера. Затем я играла роль в его пьесе «Бесы».

Как-то он сказал мне, что очарован двойной любовью, что можно одновременно любить двоих женщин. Тем не менее он был одинок. В сентябре 1956 года я стала его возлюбленной – мне тогда было 25 лет, ему 43. Он говорил мне, что его покорило моё «лицо, освещённое мягким, тёмным пламенем и чистая душа». Его поражало то, что я была и смешливая, и серьёзная одновременно. У нас были общие вкусы. В его театре я была самой эрудированной актрисой – со мной он часто обсуждал репетиции. Ради сближения с Камю, я даже специально изучила машинопись, чтобы печатать его рукописи, хотя у него была своя секретарша.

Слушать Камю было для меня величайшей радостью. Однажды я пробралась ночью к его дому, улеглась на входном коврике парадной двери и замерла там неподвижно, чтобы слышать голос моего возлюбленного. Камю называл меня «своей тенью». Я заботилась о его здоровье. С этой целью даже пыталась приобщить его к занятиям йогой.

Совместно мы отметили в последний раз его день рождения в бистро на улице Шерше-Миди в Париже. Он признавался мне, что «впервые за последние годы невольно попал в самое сердце женщины без какого-либо намерения, без игры, любящий её, но не без печали».

Он писал мне откровенные и нежные письма, в которых часто жаловался на одиночество и тоску. Так, в одном из них он писал: «Но ты не должна грустить о моей печали...».

Я бывала в его доме в Лурмарене. Смерть Камю потрясла меня до глубины души. Я проклинала себя, что не была тогда рядом с ним: он не поехал бы на машине или же я поехала бы вместе с ним. Я, как и Камю, обожала «Реквием» Моцарта и хотела, чтобы эта музыка звучала на его похоронах. На похороны Камю послала венок из роз и сирени с надписью: «За твоё счастливое возвращение, мой принц».

После смерти Камю я вышла замуж за актера П. Табара. Умерла в 2014 году в Париже.

Патриция Блейк

Я родилась в 1925 году. Впервые я встретила Камю 16 апреля 1946 года в Нью-Йорке во время его визита в США. Тогда мне было 20 лет, и я стажировалась в издательстве «Воп». Я была миловидной светловолосяй, длинноногой девушкой с голубыми глазами. Хорошо играла на пианино, читала работы Ленина и Маркса, увлекалась идеями коммунизма и любила произведения М. Пруста.

Камю остановился в доме одного своего почитателя. Дом находился рядом с Центральным Западным Парком, который так нравился Камю. Взаимная любовь между нами вспыхнула, как молния, с первого взгляда. Я встречалась с Камю ежедневно, и мы часто вместе обедали в Чайнатауне, который он обожал. День заканчивали в ночном клубе, где Камю со мной увлечённо танцевал. Мы часто прогуливались парком и останавливались возле зоопарка.

Камю подарил мне экземпляр своей книги «Посторонний». Я организовывала некоторые встречи Камю с американскими литераторами. 25 февраля Камю выступил на конференции с речью «Кризис человека». Один из дней мы провели вместе, и между нами произошла, по словам самого Камю, «отчаянная и чудесная вещь». Позже, в одном из писем, он писал, что единственным его желанием тогда было остаться рядом со мной.

Вернувшись в Париж, он писал мне: «Я не могу восстановить былое равновесие. Не могу сказать, что моя жизнь и до того как я отплыл в Америку была очень счастливой, но я мог чувствовать себя устойчиво и, между прочим, бегал от женщины к женщине... Теперь же меня больше ничего не интересует, и я не могу войти в привычное русло жизни. К этому надо добавить сомнение относительно моей работы. В конце концов я выпутаюсь из этого, потому что должен».

Он оформил мне подписку на журнал «Тан Модерн» и выслал книгу Сартра «Бытие и ничто». Из Парижа он продолжал писать мне письма, которые начинались словами «дорогая Патриция». В одном из них он писал: «Я думал о Нью-Йорке, о том острове, на котором мы жили, и мне с трудом пришлось совершить усилие, чтобы осознать, что я стал героем, что это счастье».

16 октября 1957 года я обедала с ним в одном из парижских ресторанов, который славился хорошей морской кухней, – именно в этот момент официант сообщил Камю о присвоении ему Нобелевской премии. Он побледнел, разволновался, и стал неустанно повторять: «Эту премию должен был получить Мальро».

Переписка между нами продолжалась до 1960 года.

В 1983 году 24 письма и 14 книг с автографами Камю были проданы на аукционе Сотби за 31700 долларов.

В 2010 году оставила этот мир.

Мамен Паже

Я родилась в 1916 году в Англии. По словам Симоны де Бовуар, была наделена «хрупкой грацией» и «острым умом».

С 1948 года встречалась с писателем А. Кёстлером, родившимся в Венгрии в еврейской семье. В это время Кёстлер решал вопрос о разводе со своей женой. В Париже Камю стал проводить время вместе с нами.

Однажды мы прогуливались с Камю в парке, и он узнал, что я не очень увлечена Кёстлером. Тогда он сказал мне: «Я не могу тебя оставить». Он сообщил мне, что уезжает в Прованс, и я согласилась встретиться с ним в Авиньоне.

Когда я его там увидела, он выглядел бледным после приступа туберкулёза. В Авиньоне мы вместе провели романтическую неделю: танцевали танго в испанском клубе, бродили среди оливковых рощ, искали подходящий дом, который Камю намеревался купить. Это было больше похоже на сказку, чем на реальную жизнь. Я видела в Камю само совершенство и не замечала никаких изъянов. Он говорил мне: «На этой неделе ты принесла мне как счастье, так и несчастье – насколько это возможно для человека».

Вернувшись в Париж, мы потом встречались в Люксембургском саду, и Камю читал мне выдержки из своего романа «Чума». Я была уверена, что Камю влюблён в меня и рассчитывала на совместную с ним жизнь в Провансе. Но он проявил нерешительность.

Перед моим отъездом в Англию, Камю написал мне: «Я не могу привыкнуть к мысли, что ты уезжаешь. Прощай, дорогая иностранка! ... Когда ты вернёшься домой, не оставляй меня в одиночестве сразу, а снова повернись ко мне лицом. Потерять тебя – нелегко. Мне это известно».

Как только мы с Кёстлером вернулись в Уэльс, я рассказала ему о своём увлечении. Он равнодушно заметил, что правда так или иначе всплыла бы. Камю вначале разозлился на меня за это признание, но потом смягчился и предался воспоминаниям: «Дни, проведенные рядом с тобой, были самыми счастливыми в моей жизни, и я никогда их не забуду».

Я была безумно одержима Камю. Тем не менее это обстоятельство не повлияло на дружбу между Кёстлером и Камю. Кёстлер написал ему, что простил этот любовный роман со мной. Ответ Камю был не очень дружественным. После примирительных писем Кёстлера инцидент был исчерпан. Более того, Кёстлер способствовал печати статей Камю в Англии – их идеологические взгляды были близки.

В конце концов, в 1950 году, я вышла замуж за Кёстлера, который оказался садистом и женоненавистником – я развелась с ним через год.

В 1954 году я скончалась в Лондоне от туберкулёза.

Бланш Кнопф

Я родилась в Нью-Йорке в еврейской семье в 1893 году. Окончила Школу Гарвардского университета. Моей женской слабостью была высокая мода и драгоценности.

В 23 года вышла замуж за издателя Альфреда Кнопфа. Он был старше меня на два года. После рождения сына наша интимная жизнь не заладилась, и мы с мужем стали жить в разных квартирах. У меня появились любовники из среды знаменитых музыкантов. В издательстве мужа я занималась привлечением новых авторов и вычиткой их рукописей, сочетая бизнес и удовольствие.

Безупречно владея французским, я следила за высокой модой и часто посещала Париж.

Впервые с Камю я встретилась в парижском отеле «Риц» в 1946 году. С тех пор наши встречи стали регулярными. О своей первой встрече я занесла в дневник такие слова: «У меня было чувство величия Камю. Несмотря на его молодость и незначительное количество произведений, его мировоззрение... было достаточно ясным, чтобы увидеть его величие как философа и гуманиста. ...Вскоре между нами установились доверительные и честные отношения – такие чувства я редко к кому испытывала... У меня всегда было чувство, что я имею дело с очень близким и интимным другом». Я стала пылкой и фанатичной поклонницей его таланта. Моему обожанию Камю не было предела. Я была на 20 лет старше его, и, конечно, ни о каком серьёзном романе с ним я не мечтала. Во время встреч Камю говорил о будущем и прошлом, о своих планах, о молодых писателях Франции и Америки, о Пастернаке, о нас самих.

Я присутствовала на церемонии вручения Камю Нобелевской премии в Стокгольме. Там я напомнила ему, как мы когда-то протанцевали с ним всю ночь «ча-ча-ча».

Мы вели с Камю переписку. Он писал мне по-английски вычурным старомодным стилем. Моя переписка с ним хранится в архиве исследовательского центра «Рэндэм» Техасского университета.

Однажды я выслала ему модный плащ и набор музыкальных пластинок, с записями произведений Шёнберга «Оставшийся в живых из Варшавы» и «Ода Наполеону Бонапарту».

Моими усилиями были изданы в США романы Камю «Посторонний» и «Чума». В 1946 году, в момент выхода из печати «Постороннего», Камю был в Нью-Йорке, и мы с мужем устроили грандиозную вечеринку в его честь.

Полагаю, что я сыграла немаловажную роль в деле продвижения Камю к получению Нобелевской премии.

В дальнейшем я отчаянно пыталась убедить Камю отойти от театральной деятельности и продолжить работу над романами, прилагала усилия к печати в США его философских произведений.

В год гибели Камю я написала книгу «Альбер Камю – на солнце», которая была издана в 1961 г. В ней я писала: «Я верила ему с самого начала».

Моя заслуга, видимо, состоит и в том, что произведения Камю были включены в учебные программы американских университетов. Хочу заметить, что моими стараниями, на рубеже XX-XXI веков, Камю является более популярным в США, чем где-либо, включая Францию.

Для похудения я долгие годы принимала таблетки, уменьшающие аппетит, чем подорвала себе здоровье, – умерла от рака печени в 1966 году в Нью-Йорке.

Иверс Метте

Я родилась в 1933 году во Франции в семье с датскими корнями. В Париже я изучала живопись и готовилась стать художником.

Познакомилась с Камю в парижском «Кафе де Флор» в 1957 году. Мне тогда шёл 21 год. По просьбе Камю его друг пригласил меня к их столу, где состоялась беседа об итальянском художнике Пьетро делла Франческа. Оказалось, что мы оба являемся поклонниками его таланта. Затем мы стали танцевать. Приятели Камю разошлись, мы остались наедине. Камю жаловался мне на то, что одиночество его заело. Мы говорили о произведениях Мелвилла, Достоевского и Ницше. Камю признавался мне, что его особенно впечатляла борьба Ницше с физической болью.

Его средиземноморский шарм очаровывал радостью жизни. Я стала его последней любовью. Подрабатывая у известных модельеров, я была вынуждена посещать филиалы их фабрик в разных городах. Камю часто сопровождал меня в этих поездках. В Париже я любила бывать в бассейнах, куда приглашала и его. Одно время я жила на ферме поблизости Лурмарена, где меня навещал Камю, уехавший из своего дома «на прогулку». Вместе с ним мы объездили провансальские городки Бонньё, Лакост, Менерб, Горд.

Общение со мной оказывало на Камю омолаживающий эффект – писатель тогда страдал от панических атак и приступов туберкулёза. Он признавался, что нахождение рядом со мной наполняло его дни «красотой и сладостью», а «непрерывное удовольствие» стимулировало его. Он говорил мне полушутя-полусерьёзно о горестной старости, когда восторг и удовольствия чувств иссякают. В ответ я плакала и причитала: «Я так сильно люблю, люблю».

Авторы биографий Камю называли меня по-разному: Г. Лоттман как Торве, О. Тодд – Ми. После смерти Камю я вышла замуж за графика Ж.-Ж. Семпе, но потом развелась. В 1968 г. у меня родилась дочь.

В 2003 году я решила «выйти из подполья» и дала интервью в «Кафе де Лээн». Сейчас живу в Париже.

Элизабет Хоз

Я американка, Элизабет Хоз, 1941 года рождения, в конце 1950-х годов писала в колледже дипломную работу о творчестве Камю. Меня покорило то, что его произведения были пронизаны чувством сострадания и любви к человечеству. В процессе этой работы я незаметно влюбилась в образ философа и испытала своего рода связь двух душ – своей и Камю. Очевидно, это не было чувством обычной романтической любви, наполненной тоской и мечтаниями, это было нечто более глубинное на уровне «космической связи». Я стала чувствовать себя одновременно и его сестрой, и его женой, и читателем его произведений – постоянно переживала за его здоровье и, как мне казалось, даже следила за его настроением.

Естественно, стала мечтать о встрече со своим кумиром в парижском «Кафе де Флор». Но трагическая реальность разрушила мои мечты: Камю внезапно погиб в автомобильной катастрофе. Зная хорошо его жизнь, я понимала, что над ним постоянно висела смертельная угроза от туберкулёза – особая форма «изгнания и царства» – и он наверняка не прожил бы долго.

Конечно, меня несколько смущало слишком активное проявление его «средиземноморского либидо», и одновременно восхищало то, что Камю преследовал при этом «высшую моральную цель». Тем не менее я не сочла нужным в дальнейшем травмировать свою психику этими размышлениями, осознав, что Камю, – человек чувств.

Чтобы лучше понять его, в 1960-е годы я посетила Францию в поисках «сущности французской идентичности», с призрачной надеждой «найти Камю». Но я попала уже в другую эпоху: в парижском культурном пространстве блистали уже совсем другие писатели.

В следующие два десятилетия мой интерес к Камю проявлялся спорадически, хотя меня и продолжали очаровывать его «печальные средиземноморские глаза». На моём пути встречалось много людей, но такого сильного притягательного чувства, как к Камю, я ни к кому не испытывала. Некоторое время я жила во Франции, побывала в Северной Африке, вовлекалась в амурные дела, присоединялась к протестным движениям, вышла замуж, родила троих детей, стала литератором.

Образ Камю вспыхнул в моём сознании с новой силой в 1995 году после опубликования его дочерью Катрин неоконченного романа писателя «Первый человек». Чтение этого произведения оживило мои прежние чувства к Камю – я снова ощутила его живое присутствие. Я решила написать книгу о нём. Она вышла в свет под заглавием «Камю, романтика» в 2009 году. Критики отзывались о ней, как о «прекрасном воспоминании о пожизненной одержимости автора книги».

Возникла пауза. Судья ехидно осведомился:

– Полагаю, «список» исчерпан?

– Нет! – послышался чей-то нежный голос, – вы забыли меня.

– Кто Вы? – встрепенулся судья.

– Я та, которую Камю назвал «одной из самых очаровательных и приятных молодых французенок», которых он когда-либо встречал.

Все женщины в недоумении переглянулись.

В зале появилась девушка с короткой причёской и с улыбкой на лице:

– Я Франсуаза Саган.

Женщины облегчённо вздохнули, а судья спросил:

– И какое же отношение Вы имеете к Камю?

– Я та женщина, которая не успела в него влюбиться, а Камю не успел полюбить меня.

– Воображаемые деяния, которые никогда не совершались, суд рассматривать не будет. На этом мы закончим заслушивание свидетельских показаний женщин, – твердо и решительно заявил судья.

– Нет! – вскрикнула Тереза Авильская. – Нужно ещё вспомнить тайных воздыхателей и тех безвестных женщин, кто им был соблазнен. Прежде всего, я имею в виду женский персонал редакций газет «Альже республикен», «Суар республикен», «Пари суар» и «Комба», издательства «Галлимар», а также некую «восхитительную» девушку из Португалии по имени Виола.

– Поток времени бесследно смыл всех остальных, – витиевато и с претензией на философичность заявил судья, – поэтому привлечь их к процессу нет возможности.

Тереза Авильская не унималась и шептала:

– Боже, услышь меня! Боже, услышь меня!

Судья холодно обратился к женщинам:

– Что вы можете сказать в своё оправдание?

Все женщины возгласили хором:

– Нас бесповоротно покоряли харизма и обаяние Альбера Камю. Нас очаровывала его простота, эlegantность, сдержанность и естественность, склонность к юмору, искусство быть на одном уровне с каждой из нас. Мы были беззащитны перед его природным даром раздевать нас взглядом.

Тереза Авильская взвизгнула:

– О, бесстыжие! Подобные вещи совершали только греческие женщины с олимпийскими богами. Ваши поступки нарушили все нормы христианской морали – поэтому, в первую очередь, нужно осуждать себя, а не оправдывать возлюбленного «бога».

Голос судьи свыше прозвучал устало:

– Альбер Камю, что Вы скажете в своё оправдание по поводу обвинений в Ваш адрес со стороны Терезы Авильской?

Камю не любил говорить экспромтом и начал речь размеренным тоном, поглядывая в записную книжку:

– Ваша честь! «Люди привлекали меня настолько, насколько они испытывали страсть к жизни и жаждали счастья. Возможно, поэтому у меня было больше женщин-друзей, чем мужчин. ...Дружба между мужчиной и женщиной всегда содержит нечто двусмысленное, двойную игру, которая фальсифицирует чувства в самом их истоке, и я думаю это потому, что мало кто из мужчин может ясно понять свои желания, знать, когда они возникают, и когда заканчиваются».

– Ближе к теме! – нервно заметил судья.

Камю на минуту задумался, и затем вдохновенно произнёс неожиданные слова:

– В течение всей моей жизни, когда кто-либо привязывался ко мне, я делал всё возможное, чтобы заставить его покинуть меня.

Судья в очередной раз перебил Камю:

– Насколько я понял, этим Вы хотите сказать, что виной всему была не Ваша необузданная страсть, а ненстойная любовь женщин к Вам, которой Вы не могли противостоять в силу слабости характера?

– Ваша честь, – сказал Камю, – я никого не собираюсь здесь обвинять – ни себя, ни женщин, ибо не претендую на роль высшего судьи: «я знаю только одну обязанность – обязанность любить».

– Продолжайте! – недовольным голосом произнёс судья.

– Поскольку лазоревые небеса молчат, – продолжил Камю, – и ничего не говорят о смысле человеческого бытия, то от Вселенной я требовал хотя бы признания величия любви. Возвеличение любви – это дерзкий вызов смерти, – Камю украдкой заглянул в записную книжку и продолжил, – «Вне любви

женщина скучна, хотя она и не знает об этом. Можно жить с ней и хранить молчание. Или спать со всеми и делать, что угодно. Но главное есть что-то ещё. ... Те, кто любят, друзья и любовники, знают, что любовь не только слепая вспышка, но также длительная и болезненная борьба в темноте за воплощение окончательного примирения».

Свою речь Камю заключил со скептической улыбкой и простотой:

– Я был с ними и всё же был одинок.

Судья закашлялся и хриплым голосом спросил:

– А что Вы скажете относительно такого конкретного пункта обвинения Терезы Авильской, как прелюбодеяние?

– Заключая брак с Франсиной Фор, мы сразу же оговорили условия: наш брак будет носить свободный характер.

Тереза Авильская взорвалась:

– А богоборчество Камю?

Судья твердо заявил:

– Вопрос богоборчества лежит в другой плоскости, и его мы не будем рассматривать.

Судья откашлялся и тихим голосом предоставил слово адвокату для защитительной речи. Я поднялся: «Ваша честь! Обвинения Терезы Авильской в адрес женщин не выдерживают никакой критики. Что за странный критерий любви она предложила? Богов на грешной земле нет. Женщины любят только земных мужчин. Где у Терезы доказательство, что женщины любили Камю как бога? Таковых нет. Более того, сама Тереза вступала в интимную связь с богом сомнительным образом – тут и речи не может быть о взаимной любви. Это больше походит на совращение ею бога, что является безнравственным актом.

Известно, что произведения искусства являются средством осмысления прошлого и настоящего. На их примере я хочу проиллюстрировать, как на протяжении истории, образ Терезы Авильской в искусстве изменился от набожной монашки до секс-звезды. Вот перед Вами полотно П. Рубенса «Святая Тереза Авильская» (XVII в.), где она изображена с суровым видом, наделённым ликом святости; вот скульптурная группа Дж. Бернини «Экстаз Терезы Авильской» (1652), где явно показан момент её интимной связи с Богом; далее идёт картина Ф. Жерара «Тереза Авильская» (1827), где в её блудливых глазах отражается нездоровая страсть; затем – картина Б. Клоссовского (Балтуса) «Сновидение Терезы» (1938), где она представлена сексуально озабоченной девкой; и, наконец, современный рисунок М. Манары «Экстаз Терезы Авильской» (XXI в.), где скульптурный облик Терезы трансформирован в сексуальный символ.

У нас нет оснований не доверять острому чутью художников разных эпох, и мы наглядно видим, как ореол святости постепенно ниспадал с Терезы Авильской, обнажая её низменную натуру.

– Я протестую! – возопила Тереза Авильская.

– Протест отклоняется, – строго заметил судья.

Я продолжил свою речь:

Если же говорить о любви присутствующих здесь женщин к Камю, то их любовь к нему была взаимной.

Позвольте мне зачитать здесь три письма, написанные Альбером Камю в рождественские праздники накануне его гибели трём своим возлюбленным женщинам.

Письмо Марии Казарес: «Я шлю массу нежных пожеланий, и пусть всплеск жизни длится у тебя круглый год, рождая ту милую экспрессию, которую я любил многие годы – я люблю твоё лицо в момент волнения и в другие часы. До скорой встречи, моя совершенная, я так счастлив, что снова увижу тебя – отчего меня разбирает смех, когда это пишу. ... Я целую тебя и крепко обнимаю – до вторника, когда я смогу начать всё заново».

Письмо Катрин Селлерс: «Вот моё последнее письмо, моя нежная. Я возвращаюсь и рад этому, так что увидимся во вторник, дорогая. Я уже целую тебя и благословляю тебя от всей глубины моего сердца».

Письмо Иверс Метте: «Это страшное разделение по крайней мере заставит тебя больше прочувствовать, чем когда-либо, постоянную нужду быть рядом, которую мы испытываем друг к другу. ... Я знал это раньше, а теперь знаю ещё больше. Я полон ожиданий с благословенной нуждой в тебе, полный сил и страсти. Да, я жду тебя, моя любимая и пылающая маленькая девочка».

Я обращаюсь к Святой Терезе, скажите, может ли писать в одно и то же время разным женщинам такие эмоциональные и вдохновенные письма банальный донжуан?

– Полагаю, что нет, – мрачно ответила Тереза.

– Что является грехом – честность или обман? – набросился я на Терезу.

– Обман, – твёрдо и уверенно ответила она.

– Тогда послушайте слова Камю: «Я не лгу в чувствах. Я верный изменник». Святая Тереза, Вам известно, что мужчины разделяют женщин на три категории: 1) на тех, с кем они могли бы допустить интимные отношения; 2) на тех, с которыми категорически не хотели бы иметь близость; 3) на тех, сексуальные отношения с которыми отходят на второй план – в первую очередь их хотят постоянно видеть и быть рядом с ними. Как Вы думаете, к какой категории по отношению к Камю относились эти женщины, которых Вы обвиняете?

– Конечно, все – к первой, – ничтоже сумняшеся произнесла Тереза.

– Ошибаетесь, Святая! – продолжил я свою речь, – Прежде всего, хочу уточнить: только Симона де Бовуар была для Камю женщиной второй категории; связь Элизабет Хоз с Камю была односторонней и виртуальной. Остальные женщины принадлежат к третьей категории. Такое отношение Камю к женщинам нельзя назвать заурядным и вульгарным донжуанством.

Чтобы прояснить этот вопрос, я приведу слова Камю: «Как всё было бы просто, если бы было достаточно любить. Чем больше любят, тем более прочным становится абсурд. Дон Жуан торопится от одной женщины к другой не потому, что ему не хватает любви. Смешно представлять его и фанатиком, стремящимся найти какую-то возвышенную полноту любви. Именно потому, что он любит женщин одинаково пылко, каждый раз всю душою ему приходится повторяться, отдавая себя целиком. Поэтому и каждая из них надеется одарить его тем, чем до сих пор не удавалось его одарить ни одной женщине. Всякий раз они глубоко ошибаются, преуспевая лишь в том, что он чувствует потребность в повторении. ...Он покидает женщину вовсе не потому, что больше не желает её. Прекрасная женщина всегда желанна. Он желает другую, а это не одно и то же самое».

– Он заурядный соблазнитель, и не более того! – раздался голос Терезы Авильской.

– «Да, – продолжил я прерванную речь словами Камю, – «он заурядный соблазнитель, но с единственным отличием, что осознает это, а потому абсурден. Но от того, что соблазнитель ясно мыслит, он не перестает быть соблазнителем».

– Видите, сам Камю это подтверждает! – торжествуя воскликнула Тереза.

– Послушайте, Святая, дальше, что говорит Камю, – продолжил я. – «Видеть ясно – вот его цель. Любовью мы называем то, что связывает нас с другими, в свете социально обусловленного способа видения, порождённого книгами и легендами. Но я не знаю иной любви, кроме той смеси желания, нежности и интеллекта, что привязывает меня к данному конкретному существу. Для иного существа другим будет и состав смеси. ...Щедра любовь, осознающая одновременно свою неповторимость и бренность. Все эти смерти и возрождения составляют букет жизни Дон Жуана, такой его способ отдавать себя жизни».

– Такая точка зрения на любовь действительно неуязвима для морального осуждения, – горестно заявила Тереза Авильская, – но она не даёт ему права нарушать божественные заповеди.

– А Камю, как и Дон Жуан, не верит в бога, – оживлённо заметил я.

– Неслыханно! Это непростительное богохульство, – запричитала монахиня.

– Послушайте вердикт, который выносит Камю как самому себе, так и Дон Жуану, – сдержанно произнёс я – «Нравоучительная сторона этой истории не слишком правдоподобная: какое спасение он мог вымолить у бога? Скорее здесь вырисовывается логичное завершение жизни, до конца проникнутой абсурдом, суровая развязка существования, полностью преданного радостям без расчёта на завтрашний день», – я уверенно вёл свою речь к завершению. – В чём вина Камю – в том, что он человек? Ещё З. Фрейд заметил, что нас вдохновляет не внешний объект – в нашем подсознании уже существует любимый образ, и мы только стремимся найти похожий во внешнем мире. Так мы созданы высшей силой. И мой подзащитный, как и все мы, имел в своём сознании эти образы. Его «грех» состоял только в том, что у него, как творческого человека, было достаточно много таких образов – обыватель же едва ли способен иметь хотя один из них. Камю не сравнивал женщин одну с другой, а уважал достоинство каждой из них.

В отношениях Камю с женщинами не было ни того банального синоминутного прагматизма, о котором говорил А. Чехов, как не было и «прорыва к трансцендентному», к чему зывал Д. Мережковский, а было «изживание себя» в этом мире тем способом, который был свойственен возлюблённым.

И ещё очень важный момент. Над Альбером Камю с 17 лет висел дамоклов меч туберкулёза, и вся его дальнейшая жизнь была не чем иным, как борьбой со смертью. В любви он интуитивно нашёл мощное средство сохранения жизни. Также его спасало творчество. А любовь – это одна из разновидностей творчества.

– Он много курил – значит, не дорожил жизнью, – нетерпеливо перебила меня Тереза Авильская.

– Курил по другой причине: он опытным путем установил, что курение подавляет кашель, – со-

гласитесь, постоянно каплять в присутствии других людей неприятно. Не стоит сбрасывать со счетов и физиологическую сторону любви Камю: известно, что у некоторых людей, больных туберкулёзом, значительно усиливается либидо. В заключение я хочу заявить, что Тереза Авильская не имеет никакого морального права предъявлять обвинения ни к женщинам, ни к Камю, ибо она низвела божественную любовь до уровня земной, что с религиозной точки зрения аморально; Камю же не питался божественными иллюзиями, а жил земной любовью, которая единственно возможна в этом мире, лишённом ясности.

Судья зашуршал бумагами и обратился ко мне со странным вопросом:

– Скажите, уважаемый, какая из сидящих здесь женщин Вам больше всего нравится?

Я удивился такому вопросу, но без запинки ответил:

– Патриция Блейк.

– Да-а-а, а у Вас неплохой вкус, – затянул задумчиво судья, но быстро спохватился и строго заметил, – впрочем, этот вопрос не имеет отношения к делу.

Я понял, что судья спонтанно вышел за пределы своей роли и взглянул на процесс глазами мужчины – это было хорошим знаком для благоприятного исхода дела.

Наконец судья трубным голосом объявил:

– Суд удаляется на совещание.

В зале внезапно погас свет. Наступила тревожная тишина. Зазвучала музыка Баха. Каждый из присутствовавших в зале думал о своём.

Как небесные ангелы, запели фальцетом «босоногие кармелитки»:

Ничего вас не должно тревожить,

Позвольте всему идти своим чередом.

Один Бог – всегда неизменен,

Всё наполнено терпением.

Если вы с Богом – больше нет желаний,

С головы до ног Им вы удовлетворены.

Внезапно в зал ворвался с растрёпанными волосами нидерландский художник эпохи Возрождения Иероним Босх – он держал под мышками три доски – створки своего триптиха «Сад земных наслаждений» – «Рай», «Земля» и «Ад».

– Стойте! – закричал он, – не спешите объявлять приговор.

Он суматошно стал распиливать невесту откуда взявшейся острозубой пилой свою картину, написанную на доске.

– Сейчас я подарю участникам судебного процесса фрагменты моего творения – и все проблемы будут решены, – запыхавшись, произнёс художник.

Вначале он приблизился к Терезе Авильской и вручил ей фрагмент створки «Ад» с изображением двух ушей, из-за которых торчало лезвие ножа, что было явным намеком на мужской половой орган.

– И что это означает? – дико уставилась Тереза на Босха.

Босх заявил:

– Мы тут слышаны о пронзившей Вас божественной золотой стреле, от которой Вы испытали, мягко говоря, земное наслаждение. Как мне объяснил один китайский доктор, стрела попала в «точку «шень-мень» на ухе, как я изобразил на картине, – точку блаженства. Вы же, Тереза, ошибочно посчитали, что стрела вонзилась Вам прямо в чрево – отсюда Ваши мнимые ощущения. Христос не мог снизойти до блуда с монашкой. Но я Вам рекомендую другую «точку». Отныне Вам не нужно будет прибегать к «божественной помощи» – достаточно помассировать «точку» под ножкой ушного завитка, на которую на моей картине указывает посохом «черный дьяволёнок». Это «точка» повышения либидо, которая заставит Вас обращать внимание на земных мужчин, а не на Бога.

– Что он такое несёт? – возмутилась покрасневшая Тереза, потрясая доской, с которой не знала что делать.

Оставив Терезу, Босх приблизился к женщинам и подарил им фрагмент створки «Рай» с изображением бога, который предостерегает Еву от соблазна.

– Не будите в себе зверя, который проглотит и вас, поднимите руки к небесам, и вы поймёте, как вам вести себя в этом мире.

Женщины хором завопили:

– Но мы же не виноваты, что бог создал нас такими. Менять свою природу – значит, идти против божественной воли.

Босх сделал вид, что не услышал вопли женщин, подошёл к Камю и протянул ему фрагмент створки «Земля»:

– Земная красота – дьявольская сила, сбивающая вас с толку и смертельно поражающая. Взгляните на этих женщин, стоящих по колени в воде. По мере течения времени вода прибывает, и скоро их грешные тела насовсем исчезнут из этого мира, а их красоту унесут ангелы в «занебесную высь», как говорил Платон.

Камю покорно взял фрагмент картины, ответив Босху улыбкой.

Голос судьи прозвучал, как гром среди ясного неба:

– Заслушав показания обеих сторон, Высокий Суд объявляет своё решение: учитывая то, что Тереза Авильская в своих мистических отношениях с Иисусом Христом использовала свои телесные эротические качества и таким образом унижала бога, суд не может принять её обвинение к рассмотрению. Но даже если бы эти обвинения были судом рассмотрены по существу, то он пришёл бы к выводу, что любовь женщин к Камю и его к женщинам имела в своей основе духовный человеческий характер, а не вульгарный животный – поэтому все обвиняемые были бы признаны невиновными. Обращение к подсудимым Иеронима Босха следует рассматривать как частное определение суда.

В зале установилась гробовая тишина. Не выдержав её, Франсина истерично бросилась к роялю и начала играть Баха.

– Суд закрыт! – громогласно произнес судья.

Свет погас, и я проснулся.

Вероника восторженно всплеснула руками:

– Потрясающее сновидение! А насколько все эти фантазмы соотносятся с действительными фактами о взаимоотношении Камю с женщинами?

– Невероятно, но все эти, как Вы выразились, «фантазмы» точно соответствуют реальным фактам, задокументированным биографами Камю.

– Спасибо также за полезную информацию – теперь я буду знать, где находится точка повышения либидо, – засмеялась Вероника.

– Очень прискорбно, что Вас больше заинтересовала точка либидо, чем взаимоотношения Камю с женщинами – сыронизировал я.

Вероника густо покраснела, а я, как ни в чём не бывало, продолжил:

– Тогда придётся уточнить расположение точки. Специалисты по аурикулотерапии локализируют её, как на картине Босха, однако авторитетный французский доктор Р. Ножье указывает её чуть выше – на самом ребре завитка, – весело заключил я.